

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Плешкова София Леонидовна

Франция XVI – начал. XVII века:
КОРОЛЕВСКИЙ ГАЛЛИКАНИЗМ
(церковная политика монархии и формирование
официальной идеологии)

Специальность 07.00.03

Всеобщая история

Автореферат
Диссертации на соискание ученой степени
Доктора исторических наук

Москва - 2006

Работа выполнена на кафедре истории средних веков Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук В.Л. Керов

доктор исторических наук О.Ф. Кудрявцев

доктор исторических наук П.Ю. Уваров

Ведущая организация – Московский городской педагогический университет

Защита состоится « *2 июля* » 2006г. в

на заседании Диссертационного совета Д. 501.001.72 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова по адресу: 119899, ГСП, Москва, В-234, Воробьевы горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, 1-ый гуманитарный корпус, Исторический факультет, ауд...

С диссертацией можно ознакомиться в Научной Библиотеке МГУ им. М.В. Ломоносова, 1-ый гуманитарный корпус.

Автореферат разослан « *15 апреля* » 2006г.

Ученый секретарь
Диссертационного Совета
доктор ист. Наук, профессор

Н.М. Мещерякова

I. Общая характеристика работы.

Актуальность и научная новизна исследования.

Обращение к проблеме государственно - церковных отношений и выделение в качестве предмета исследования франко - римского аспекта — взаимоотношений французской монархии и Святого Престола в XVI - начале XVII в. диктуются признанием последних в политической и церковной истории Франции, а также интересом современной историографии к этой проблематике.

Раннее новое время изменило государственно - церковные отношения, что объяснялось изменением характера светской власти. В XVI в. политико-правовой принцип суверенитета становился неотъемлемым свойством государства. Дуализм светской и духовной власти - зависимость Государства от Церкви препятствовали активной внешней и внутренней политике монархии: государственный интерес, возобладавший в деятельности монархов, сталкивался с необходимостью подчиняться папе римскому.

Радикальным решением вопроса был разрыв с Римом, чему способствовала Реформация. Ряд европейских государств воспользовался этим движением. Французские монархи избрали другой путь: они отстаивали свои суверенные права перед папой, не порывая с Римом. Причина этого крылась в слабости внутренней консолидации страны, как следствие своеобразия территориального объединения и, кроме того, в прочности конфессиональных традиций, выдвигавших на первый план принятие мер по укреплению национального государственного единства в лоне католицизма.

Выбор хронологических рамок объясняется значением XVI - начала XVII в. в активности короны: в этот период завершается формирование характерной для раннего нового времени церковной политики монархии. Новизна подхода к данной проблематике - в комплексном рассмотрении церковной политики в институциональном и идеологическом аспектах. Подобный анализ позволяет дать оценку одной из сторон процесса формирования нового государственного порядка - абсолютизма.

Историография. Степень изученности проблемы.

Проблема государственно - церковных отношений — одна из традиционных во французской историографии. До XX в.(1905), до отделения Церкви от Государства она изучалась в связи с особенностями политической организации и дуализма власти. В XX в. утрата Церковью идеологических функций в Государстве и отказ от использования церковного вопроса в политической борьбе создавали условия для научного исследования проблемы, свободного от политических пристрастий и зависимого в той или иной мере от конфессиональной принадлежности ученых.

Интерес к этой тематике был вызван проблемами века. После II-ой Мировой войны многополярное мировое сообщество с его религиозным и общественным плюрализмом выдвинуло в качестве главного условия существования толерантность. Толерантность была признана основой современной демократии. Старый термин «веротерпимость» и явление, стоящее за ним, требовали объяснения и обращения к истории. В то же время католическая церковь выступала за сохранение конфессионального единства. Это заставляло обратиться к истории формирования национальной государственной церкви и к ее отношениям с Римом.

В современной французской историографии данной проблематики отчетливо проявились две тенденции. Исходные позиции одной - в признании Государства как главного института власти, в сфере политики которого находится Церковь (Р.Мунье, Г.Метивье, М.Фогель, Ф.-К.Эммануэли).¹ Для этой тенденции характерно выявление особенностей развития государства от стадии Ренессансного государства в XVIв. до расцвета абсолютной монархии. Другая тенденция более ориентирована на изучение церковной проблемы в контексте церковно-государственных, а не государственно-церковных отношений. «Церковниками» поставлен вопрос о переосмыслении старых, родившихся в XIVв., в эпоху формирования сословной монархии и сохранившихся до XX в. (Ж.Тома, В.Марте)² представлений о якобы особом положении французской короны и церкви в лоне католицизма вплоть до признания фактической независимости от церковной метрополии.

¹ Mousnier R. Les institutions de la France sous la monarchie absolue. 1598-1789. 2 T. P., 1974; État et société sous François 1-er. P., 1967; Les hiérarchies sociales de 1450 à nos jours. P., 1969; Methivier H. L' Ancien régime. P., 1968; Fogel M. L' état dans la France moderne de la fin du XV-e au milieu du XVIII siècle. P., 1992; Emmanuelli F.-X. État et pouvoirs dans la France de XVI-XVIII siècles. La métamorphose inachevée. P., 1992.

² Martin V. Les origines du gallicanisme. 2 V. P., 1939; Thomas J. Concordat de 1516, ses origines, son histoire au XVIe siècle. P. 1910.

Эта оценка была основана на одностороннем признании разделения власти между французским государством и Святым Престолом. Основанием для этого послужили по-французски истолкованные исторические факты-крещение Хлодвига, давшее право франкским королям носить титул наихристианнейших, старших сыновей церкви, а также помощь Франкских королей, оказанная папе в укреплении церковной метрополии, породившая представление о долге главы Святого Престола перед Францией. Эти суждения об особом месте французской короны и церкви в лоне католицизма вплоть до начала XX в. были проявлением протонационального, ранне-национального и национального самосознания, перенесенного в церковно-политическую сферу, и представляли решение проблемы национальной государственной католической церкви.

В XIX. эти притязания Франции получили официальное толкование: был введен термин "галликанизм". Так на Первом Ватиканском соборе (1869 -1870) была охарактеризована позиция французской делегации: при обсуждении догмата о непогрешимости папы она не поддержала понтифика.

В одном из последних французских изданий теологического словаря (1998)³ "галликанизм" рассматривается как сугубо политическое явление, в основе которого лежит одностороннее по-французски истолкованное представление о разделении светской и духовной властей. Термин "галликанизм" (королевский "галликанизм") используется для характеристики манеры поведения французских монархов с римскими понтификами и для оценки отношений между монархией и французской церковью с одной стороны и Святым Престолом, с другой. Для «галликанизма», согласно данной оценке, характерны общность интересов монархии и французской церкви, что проявлялось в сопротивлении примату папы в местных церковных делах.

Следует отметить, что позиция "церковников" имеет серьезное основание - источниковую базу. В начале 60-х годов впервые началась публикация Актов нунциатуры - французской части архива Ватикана с XVI по XX вв.

Появление этих материалов служит основанием для более взвешенной оценки "галликанизма": Акты нунциатуры XVIв. опровергают суждения о независимости короны

и французской церкви от церковной метрополии, вводя исследователя в историю сложных отношений между монархией и папством.

Наряду с аргументированным опровержением особенности Франко-римских отношений, подвергаются переосмыслению государственно-церковные отношения внутри Франции. Основанием для этого служит пополнение источниковой базы - привлечение протоколов ассамблей духовенства. Стереотип суждений о "галликанизме" касался отношений короны с галликанской (французской) церковью: последние трактовались как свидетельство защиты французской церкви от притязаний Рима. Подобная трактовка обосновывала вывод о гармонии и союзе между монархией и французской церковью. Инициатором переосмысления этого стереотипа стал П.Бле⁴, один из редакторов публикации Актов нунциатуры. Анализируя деятельность духовенства на материале протоколов этих собраний в XVIIв., он пришел к выводу, что государственно - церковные отношения были вынужденным со стороны церкви альянсом и поставил вопрос о противоречиях между короной и французским духовенством. Особое место среди немногочисленных работ, касающихся институциональной стороны государственно-церковных отношений, занимает просопографическое исследование М.-С. Пероне⁵ о епископах старой Франции, поднимающее вопрос о рекрутировании верхнего эшелона Французской церкви. Большой материал за три столетия (XVI-XVIII) подвергается сквозному анализу с целью выявления динамики рекрутирования прелатов, социального происхождения и национальной принадлежности последних. Пожалуй, это единственная монография, претендующая на относительно полное изучение одной из сторон политики короны, дающая ответ на вопрос о реальном значении действий монархии. В то же время при полноте рассмотрения рекрутирования прелатов и деятельности ассамблей духовенства остаются открытыми не менее важные вопросы, касающиеся патримониальных отношений и разделения сфер юрисдикции между светской и духовной властями. В целом следует подчеркнуть, что ненормативные источники, привлеченные к исследованию в упомянутых работах (Акты нунциатуры, протоколы ассамблей духовенства), позволили углубить анализ институциональной стороны государственно-церковных отношений.

⁴ Blet P. Le clergé de France et la monarchie. Étude sur les assemblées générales du clergé de 1615 à 1666. 2 T. Rome, 1959.

⁵ Peronnet M. Les évêques de l' Ancienne France. 2 T. Lille, 1977.

В изучении идейно-политической стороны государственно-церковных отношений во французской историографии предпочтение отдается оценке религиозного плюрализма и толерантности как явлений XVIв. и восприятию сакральности власти. Одним из первых, кто попытался осмыслить толерантность как историческую категорию, был Ж. Леклер. Его "История толерантности в эпоху Реформации" (1955)⁶ была в духе послевоенного времени, когда утверждалась толерантность как основа демократии середины XX в. Ж.Леклер начал с осмысления термина «толерантность», подчеркивая, что данный термин употреблялся в XVIв. относительно веры. В 80-е годы, обратившись к этому сюжету, Ж.Деломо в работе "О религиях и людях"⁷ отметил, что термин "толерантность" относительно веры сохранился до XXв. Но уже в XIX., наряду с ним и в противоположность ему, использовался другой термин *laïcité* (светский, мирской). Появление этого термина свидетельствовало о конфронтации между Церковью и Государством, углублявшейся накануне отделения Церкви и выражало стремление общества отлучить католическую церковь от вмешательства в политику, управление и в систему образования.

С середины XXв. понятие " толерантность" получило широкое распространение. Существенно изменилось его содержание: оно стало включать в себя представление о главном условии существования человека, гарантированном государством, - о гражданских правах. В 80-90-е годы поводом к исследованию проблем толерантности и религиозного плюрализма послужили памятные даты принятия (1589-1989) и отмены (1685-1985) Нантского эдикта. Политика монархии в XVIв. стала рассматриваться как плод независимого политического разума, вставшего над конфессиональными интересами (К.Оливье, Ж.Сапен)⁸. Предметом анализа стали мирные религиозные соглашения, принятые короной в годы религиозных войн. Оценка этих соглашений вызвала разногласия между сторонниками их восприятия как вынужденных и временных уступок протестантам (М.Турчетти, М.Карбоньер, Д.Эль Кенц) и противниками такого взгляда, видевшими в этих актах предоставление прав протестантам (М.Грандьен, Б.Руссель, Ж.Гарризон, Ф.Буару).⁹ В то же время, несмотря на различия различных позиций в оценке мирных религиозных соглашений, в ряде исследований

⁶ Lecler J. Histoire de la tolérance au siècle de la Réforme. 2 T. P., 1955.

⁷ Delumeau J. Des Religions et des hommes. P., 1996.

⁸ Olivier Ch. La paix de religion. L' Autonomisation de la raison politique au XVI siècle, P. 1997; Saupin G. Naissance de la tolérance en Europe au Temps modernes XVIe - XVIIIe siècles. P., 1997.

⁹ Coexister dans l' intolérance. L' édit de Nantes (1598). Études rassemblées par M. Grandjean et B. Roussel. Genève, 1998.

(Ж.Дельмо, П.Шоно, Н.Леметр)¹⁰ преобладает стремление подчеркнуть приверженность католиков и протестантов Франции к одной цивилизации и отметить, что разрыв конфессионального единства в XVIв. не повлек за собой разрыва в цивилизации, о чем свидетельствует постепенность отделения протестантов от Рима, сохранение родства между Реформами, общие заботы о передаче религиозного опыта через катехизацию и обучение, общее стремление к порядку - желание приблизить образ жизни к ее духовному содержанию. Кроме того, Реформация и Католическая реформа рассматриваются как явления не только связанные, но представляющие этап в процессе разворачивания институциональных и духовных перемен, начатых в XVIв., ибо та и другая оцепиваются как императив общественного сознания в связи с апокалиптическими представлениями на переломе от Средних веков к Новому времени. В этой связи весьма интересен новый подход к осмыслению одного из трагических событий религиозных войн - Варфоломеевской ночи (Д.Крузе, Г.Гаррисон, Ж.-Л.Буржон).¹¹ Внимание историков привлекают не только фигуры инициаторов и мотивы преступления, но более глубокие философские вопросы, связанные с идеологией монархии. Д.Крузе в работе "Варфоломеевская ночь. Погубленная мечта Ренессанса" признает существование якобы особой идеологической, имевшей неоплатоническую основу, конструкции французской монархии эпохи Ренессанса. Ученый полагает, что анализ исторических эпох осуществляется путем предварительного выдвижения философско-политических систем, которые лежат в основе происходящих событий.

В 80-е годы возродился интерес к вопросу о сакральности власти. Изучение этого сюжета было востребовано стремлением дать оценку активности изменения менталитета, выявить факторы воздействия, ускоряющие этот процесс. Поднятый в 20-е годы М.Блоком и в 50-е годы Э.Канторовичем¹², он вновь стал предметом дискуссий. В своих суждениях ученые расходятся в оценке времени слома традиционного восприятия сакральности власти: случилось ли это в XVIв. под воздействием Возрождения и Реформации (А.Буро)¹³ или только в конце первой империи Наполсона, в эпоху рационалистического мышления

¹⁰ Delumeau J. Naissance et affirmation de la Réforme. P., 1988; Chaunu P. Église, culture et société. Essais sur Réforme et contre-Réforme (1517-1620), P.1981; Леметр Н. Католики и протестанты: религиозный раскол XVI века в новом освещении // ВИ. 1997 № 10.

¹¹ Crouzet D. La nuit de la Saint-Barthélemy. Un rêve de la renaissance. P., 1995; Garrisson G. La Saint Barthélemy. Brussels, 1987; Bourgeon J.-L. Charles IX et la Saint-Barthélemy. Genève, 1995.

¹² Bloch M. Les rois thaumaturges. P., 1983; Короли-чудотворцы. М., 1998; Kantorowicz E. The King's two bodies. Princeton, 1957.

¹³ Boureau A. La royauté sacrée dans le Monde Chrétien. Coll.de Royaumont, mars 1989. P., 1992; Le simple corps du roi: L'impossible sacralité des souveraines françaises XV-XVIII. P., 1988.

(Н.Симон)¹⁴.

Дискуссионность вопроса в известной мере кроется в недостаточной его разработанности. Предложенный в данном исследовании о церковной политике монархии анализ, формирующих официальную идеологию, политико-правовых концепций позволит расширить представление о восприятии и интерпретации сакральности власти в XVI-начале XVIIв. Подводя итог данного историографического обзора, следует отметить прежде всего большую работу по введению в научный оборот источников, оставшихся до середины XXв. за пределами внимания ученых. Это позволило по-новому подойти к исследованию традиционной проблематики, какой остается оценка государственно-церковных отношений на изломе от Средневековья к Новому времени.

В отечественной историографии проблема взаимоотношений Государства и Церкви до конца 80-х годов XXв. не разрабатывалась. После известных работ И.В. Лучицкого¹⁵, посвященных религиозным войнам во Франции, исследований такого масштаба, затрагивающих политические и религиозные вопросы, в отечественной историографии не было. Однако разрабатывались как в теоретическом, так и в конкретно-историческом планах вопросы, близкие к указанной тематике. Отмеченное прежде всего относится к работам С.Д. Сказкина¹⁶, посвященным средневековой культуре и идеологии. С.Д.Сказкин отмечал тесную и неизменную связь господствующей религии со всей системой государственно-политического устройства в конкретный период и подчеркивал, что католическое вероучение было исторической формой, в которой отразились длительность и прочность феодального строя. Причину этой особенности он связывал с религиозным типом мышления средневекового общества, соответствующего католическому вероучению. В иной плоскости касалась данной проблематики А.Д.Люблинская. В одной из своих ранних работ, в монографии "Франция в начале XVII века"¹⁷, характеризую сословную структуру французского общества начала XVIIв., она нашла в сложной иерархии французской церкви отражение социальной структуры всего общества.

¹⁴ Simon P. *Le mythe royale*. Lille, 1987.

¹⁵ Лучицкий И.В. Гугенотская аристократия и буржуазия на юге после Варфоломеевской ночи. СПб., 1870; Католическая лига и кальвинисты во Франции. Т. 1. Киев, 1877; Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции. Киев, 1871

¹⁶ Сказкин С.Д. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. Материалы научного наследия. М., 1981; Введение к кн.: Основы средневекового мирозерцания. С.98-127; о социальной роли и идейном содержании христианства. С.128-140; Возрождение, гуманизм и Реформация. С.175-187.

¹⁷ Люблинская А.Д. Франция в начале XVIIв. (1610-1620). Л., 1959

Новый этап в рассмотрении данной проблематики был связан с появлением в 70-90-е годы монографии Н.А.Хачатурян¹⁸ о сословной монархии в XIV-XV вв., статей В.В. Санжарова¹⁹ о Государстве и Церкви во второй половине XIV в. и статьи О.В. Трофимовой²⁰ о галликанской церкви в государственной системе Франции в период религиозных войн. Церковный вопрос стал анализироваться как часть проблемы государственности в формировании сословной и абсолютной монархий. Заметным направлением в отечественной историографии стало изучение политической мысли XVI в. Многоцветная палитра политической мысли эпохи Возрождения, представленная проабсолютистскими и антиабсолютистскими, прокатолическими и протестантскими идеями политиков, правоведов и теологов всегда привлекала внимание исследователей. В этой связи нельзя не отметить анализ протестантской антиабсолютистской мысли во Франции в работе И.Я. Эльфонд²¹. Обзор отечественной историографии свидетельствует о восстановлении прерванной традиции в изучении государственно-церковных отношений.

Источники

К исследованию привлечены различные по характеру источники в старопечатном и новом изданиях.

1. Законодательные акты французских монархов XVI-XVIII вв.²²

В работе использованы все имеющиеся издания, включая одно из самых ранних старопечатных - 1585 г., принадлежащее адвокату Парижского парламента Антуану Фонтанону.

В двадцатидевятитомное издание XIX в. Исамбера, Журдена и де Крюзи вошел свод актов от 420 до 1789 гг.²³

К комплексу законодательных актов примыкают королевские письма-распоряжения. Это инструкции и письма, адресованные королевским послан на Тридентском соборе: переписка Франциска I, Франциска II, Генриха II и Карла IX с европейскими государями²⁴, а также письма Генриха II, касающиеся отношений с Римом²⁵.

¹⁸ Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции в XIII-XV вв. М, 1989.

¹⁹ Санжаров В.В. Государство и церковь во Франции в последней трети XIV-XV вв. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1992.

²⁰ Трофимова О.В. Галликанская церковь в государственной системе Франции в период гугенотских войн / Проблемы западноевропейского феодализма XII-XVII веков: Межвузовский сборник научных трудов. Иваново, 1989.

²¹ Эльфонд И.Я. Тираноборцы. Саратов, 1991.

²² Fontanon A. Les édicts et ordonnances des roys de France. 4 T. 1585.

²³ Recueil général des anciennes lois françaises depuis l' au 420 jusqu' à la Révolution de 1789 ... par Jourdan, Decrusy, Isambert. 29 V. P., 1821-1833.

II. **Юридические материалы** представлены правовыми сборниками (записями обычного права – купюмами), собранными доктором права адвокатом Парижского парламента Ш.Дюмуленом (1500 – 1566)²⁶ и правоведом А.Луазелем (XVII)²⁷. К этим источникам следует добавить памятники канонического права и церковной бенефициальной практики на протяжении XVI-XVIIвв. Первая из этих публикаций была сделана адвокатом парламента Экса Дюраном де Мейяном²⁸ в 1700г., вторая - адвокатом Парижского парламента Л.Герикауром²⁹ в 1771г.

III. Документальные материалы.

1. Протоколы ассамблей сословно - представительных учреждений вошли в публикацию Ж.Пико "История Генеральных штатов в свете их влияния на управление Францией с 1355 по 1614гг."³⁰ Дополнением к этим материалам служит опубликованный в 1644г. профессором права Парижского университета Николая Камюза (1575 – 1655), свод предложений, сделанных клиром бальяжа Труа в ходе ассамблеи Генеральных штатов в 1576г. и направленный дуаеном церкви в Труа М.-Г.де Тесом депутатам этого собрания³¹.

2. Свод (реестр) решений муниципалитета Парижа³²: акты о продаже рент - первого государственного займа - свидетельство реализации финансовой политики монархии в целом и привлечения духовенства к налоговому обязательству в частности.

3. Акты нунциатуры - это подробные отчеты нунциев в Рим и инструкции, идущие из

²⁴ Instructions et lettres des rois très-chrétiens, et de leurs ambassadeurs et autres actes concernant le concile de Trente / Publ. par P. Dupuy. P., 1654.

²⁵ Lettres missives d' Henry IV prep. par Berger de Xivrev. 7 V. P., 1843-1876.

Lettres de Henry IV, concernant les relations du Saint-Siège et de la France. 1595-1609. Éd. par B. Barbiche. Città del Vaticano, biblioteca apostolica Vaticane. 1968.

Lettres inédites de Henry IV recueillies par le prince Augustin Galitzin. P., 1860.

²⁶ Les Grand coutumiers général, contenant toutes les coutumes général-es et particulères du Royaume de France et des Gaules, corrigées et annotées de plusieurs decisions et arrets, diligemment et fidellement par Messire Charles du Molin, docteur es droit, jurisconsulte de France et Germanie ancien advocat en la cour de Parlement de Paris. 2 T. P., 1567.

²⁷ Institutes coutumières d' Antoine Loisel ou manuel de plusieurs et diverses régees, sentences et proverbes, tant anciens que modernes du droit coutumier et plus ordinaire de la France, avec les notes D' Eusèbe de Laurière, nouvelle édition, revue, corrigé et augmenté par M. Dupin, ancien Bâtonnier de l' ordre des Avocats Procureur général à la cour de cassation, membre de l' Institut etc. et M. Édouard Labouloye, avocat, membre de l' Institut. P., 1846.

²⁸ Durand de Mailliane. Dictionnaire de droit de canonique et de pratique bénéficiale. 4 T. 2-éd. Lyon, 1770.

²⁹ Les loix ecclésiastiques de France dans leur ordre naturel et une analyse des livres du droit canonique. Nouvelle édition conférés avec des usages de l' Église Gallicane. Par Louis de Héricourt, avocat en Parlement. P., 1771.

³⁰ Picot G. Histoire des États Généraux au point de vue de leur influence sur le gouvernement de la France de 1355 à 1614. 5 V. P., 1888.

Рима³³.

Отчеты адресуются папам и кардиналам, они включают в себя различную информацию о внешнеполитических связях французских монархов, о придворной жизни и государственно - церковных отношениях. Публикация Актов нунциатуры осуществлена факультетом истории церкви Григорианского университета в Риме совместно с французской школой в Риме при содействии Национального центра научных изысканий. Документы составляют часть большого архива Ватикана и насчитывают более шести тысяч томов оригинальных документов и копий, относящихся к деятельности папских послов в разных странах Европы с XVI по XIX вв.

4. Материалы церковных Вселенских и провинциальных соборов использовались в известной публикации Ж. Манси³⁴ и в «Церковной истории» аббата К. Флери³⁵.

IV. Нарративные источники.

Два из них – трактат капеллана Генриха IV дю Пейра «Происхождение кардиналов Святого Престола, в частности французских»³⁶ и «Дневник парижского кюре Ж.-Б. де Ла Фосса»³⁷ использовались для освещения институциональной стороны государственно-церковных отношений. Трактат теолога Сорбоны Эд. Ришера «О церковной и политической власти» (1612)³⁸, в котором дается не традиционное толкование церковного галликанизма, привлечен для характеристики позиции французского духовенства в отношении церковной политики монархии.

Большинство трактатов послужили основой для рассмотрения вопросов о формировании официальной идеологии и идейно-политической борьбы, развернувшейся между роялистами и папистами. Основное содержание трактатов – осмысление природы и характера власти и государственно-церковных отношений. Авторами этих повествований были католики-роялисты (в основном правоведы) и паписты (главным образом теологи). Это трактат К.де Сейселя «Великая французская мопархия» (1517)³⁹, «Мемуар и суждение о свободах галликанской церкви» (1560) секретаря Парижского парламента и личного

³¹ Recuelle sommaire des propositions et conclusions faites en la chambre ecclésiastique des Éstatz tenus à Bloys en l'an 1576 dressé par M. Guillaume de Taix Doyen en l'Église de Troyes et député ausdicts Estat pour les ecclésiastique du Baillage de Troyes / Camusat N. Mélanges Historiques. Troyes, 1644.

³² Registres des délibérations du Bureau de la ville de Paris. X V. P., 1902.

³³ Acta nuntiaturae gallicae: Correspondance des nonces en France: Carpi et Ferrerio et légationis de Carpi et de Farnèse. 1535-1540. 1961; Correspondance des nonces en France Capodifferro, Dandino et Guidiccione 1541-1546. 1963; Correspondance des nonces en France Dandino, Della Torre et Trivultio 1546-1551. 1966; Correspondance du nonce en France Giovanni Battista Castelli 1581-1583. 1967; Correspondance du nonce en France Prospero Santa Croce 1552-1554. 1968; Correspondance du nonce en France Anselmo Dandino 1578-1581. 1970.

секретаря Генриха II Ж. Дютийе⁴⁰, трактаты Г. Постеля «О том, что является первостепенным для преобразования мира» (1566)⁴¹, П. де Блуа «Католическая апология» (1585)⁴², выступления парижских магистратов в 1594г.: Г. Кокиля «Речи о правах галликанской церкви»⁴³, А. Отмана «О правах галликанской церкви»⁴⁴, К. Фоше «О свободах галликанской церкви»⁴⁵ и П. Питу «Комментарии к трактату о свободе галликанской церкви»⁴⁶, а также сочинения А. дю Буа «О происхождении и власти королей» (1604)⁴⁷ и А. Мелара «Франкофил, о самом великом наихристианнейшем, воинственном государе Генрихе Августе IV, короле Франции и Наварры (1606)⁴⁸. К этой группе источников относятся исторические описания Ф. Бельфора «История девяти французских королей Карлов, содержащая фортуна, добродетель и судьбоносный час королей, которые под именем Карл совершали чудеса» (1568)⁴⁹ и Б. дю Гайяна «О состоянии и успехах в делах во Франции» (1573)⁵⁰.

Несколько трактатов относятся к 1610-1615гг., ко времени гибели Генриха IV. Это отклики на царевубийство, принадлежащие А. Леклерку «В защиту Божественной природы земной власти против Ж. Марианы» (1610)⁵¹, Т. Пелетье «О неприкосновенности и сакральности королей против убийц и отцеубийц, которые осмеливаются посягнуть на Их Величества»⁵² (1610) и протестантскому теологу шотландцу по происхождению

³⁴ Mansi G.D. Sacrorum Consiliorum nova et amplissima 1901-1902.

³⁵ Fleury Cl. Histoire ecclésiastique. 36 V. P., 1713-1738.

³⁶ Du Peyrat G. L'origine des cardinaux du Saint-Siège et particulièrement des françois. 1670³⁷ Journal d'un curé ligueux de Paris sous les derniers Valois. Publ. par M. Barthelemy. P., 1865

³⁸ Richer Ed. De ecclesiastica et politica potestate Liber unus. A. Caen, 1612.

³⁹ La Grand monarchie de France, composée par m. Claude de Seyssel lors évêque de Marseille et depuis Archevêque de Thurin, adressant au Roy très chrestien François premier de ce nom. 1557.

⁴⁰ Tillet J. du. Mémoire et avis sur les libertés de l'Église Gallicane // Ecclesiae Gallicanae in schismate status: Etat de l'Église gallicane durant de schisme. 1594.

⁴¹ Postel. G. ce qui est premier pour réforme de monde. 1566. // Dubois C.-G. Celtes et Gaulois au XVI siècle. Le développement littéraire d'un mythe nationaliste. P., 1972.

⁴² Beloy P. de. Apologie contre les libelles declarations, avis et consultations faites, escrites et publiées par les Ligueux perturbateurs du repos du Royaume de France: qui se sont eslevez depuis le decès de feu Monseigneur, frere unique du Roy. 1585

⁴³ Coquille G. Discours des droits ecclésiastiques et libertés de l'Église gallicane. // Traité des droits ecclésiastiques de l'Église gallicane. P., 1731. V.1.

⁴⁴ Hotman A. Traité des droits ecclésiastiques et libertés de l'Église gallicane. // Traité des droits et libertés de l'Église gallicane. P., 1731. V.1.

⁴⁵ Fauchét Cl. Traité des libertés ecclésiastiques de l'Église gallicane // Traité des droits et libertés de l'Église gallicane. P., 1731. V.1.

⁴⁶ Pithou P. Commentaire sur le traité de libertés de l'Église gallicane // Traité des droits et libertés de l'Église gallicane. P., 1715.

⁴⁷ Du Boys H. De l'origine et autorité des roys. P., 1604.

⁴⁸ Maillard A. Le Francophil, le pour très-grand, très-chrestien, très-magnanime et très-belliqueux Prince Henry Auguste IV Roy de France et de Navarre. P., 1606.

Д. Хэму «Убийство короля или максимы старого орла из Ватикана, и об убийцах, отцеубийцах покойного Генриха Великого»⁵³, написанному по-французски и получившему распространение во Франции.

Кроме того, к исследованию привлечены трактаты Ж. Саварона «Трактат о суверенитете короля и его королевства» (1615)⁵⁴ и Ж. Биньона «О величии и суверенной власти наших королей» (1615)⁵⁵, написанные в период малолетства Людовика XIII в условиях осложнения внутривластной обстановки, выдвинувших на первый план вопрос о судьбе монархии.

Оценка позиции папистов нашла отражение в трактатах теолога Сорбонны Ж.Буше «О справедливом отстранении Генриха III от французского престола» (1591) и «Проповедь о ложной конверсии и ничтожестве из Беарна, произнесенная в Сен-Дени в воскресенье 21 июля 1593г. в церкви Сен-Мерри» (1594)⁵⁶, а также в выступлении «Ответ на главные статьи Апологии П. де Блуа, фальшиво озаглавленные Католическая апология о наследовании Генрихом королем Наварры французского престола» (1588)⁵⁷ и в трактате испанского теолога Х. Марианы «О короле и королевском порядке» (1599)⁵⁸, получившем распространение во Франции.

Особенности источников и степень разработанности данной проблематики в историографии определили выбор ракурса и хронологические рамки исследования. Предметом изучения стала церковная политика монархии и формирование официальной идеологии в XVI – начале XVIIвв. (до конца правления Генриха IV). В оценке политики монархии исходным моментом служит признание церковного вопроса частью проблемы государственности.

⁴⁹ Histoire des neuf roys Charles de France: contentante la fortune, vertu et heur fatal des Roys, qui sous ce nom de Charles ont mis à fin des choses merueilleuses. Par François de Belle-Forest Comingeois. P., 1568.

⁵⁰ De l' état et succéz des affaires de France. Oeuvres depuis les precedents éditions augmenté, illustré, contenant sommairement l' histoire des Roys de France et les choses plus remarquables par eux institutées pour l' ornement et grandeur de leur Royaume. Par Bernard de Girard, seigneur du Haillan, secretaire de Monseigneur le Duc d' Anjou, de Bourbonnois et Auvergne frère du Roy, ayant charge et commandement de sa Majesté, d' escrire l' histoire de France. P., 1573.

⁵¹ La déffence des puissances de la terre contre Jean Marianna par Antoine Le Clerc escuyer sieur de la Forest, advocat en parlement. P., 1610.

⁵² Pelletier Th. De l' inviolable et sacrée personne de Lois, Contre tous Assassins et Parricides qui ozent attenter sur leurs Majestez. P., 1610.

⁵³ HomeDavid. L' assassinat du roy, ou maximes du vieil de la Montagne Vaticane, et de ses assassins, practiques en la personne de deffunct Henry Le Grand. 1615

⁵⁴ (Savaron J.) Traicté de la souveraincté du roy et de son royaume. A messieurs les deputez de la noblesse. Par M. Jean Savaron conseiller du Roy President Lieutenant Général en la sénéchaussée d' Auvergne et siège Présidental à Clairmont et député aux États Généraux. P., 1615.

⁵⁵ Bignon G. La grandeur de nos roys et de leur souverainne puissance. Au roy. A Paris, 1615.

Структура и основное содержание работы.

Работа состоит из вступления, пяти глав, заключения и библиографии. Во вступлении обосновывается актуальность и научная новизна темы, определяется предмет и объект исследования, его хронологические рамки; в историографическом и источниковом очерках исследуется степень изученности проблемы, определяется корпус источников.

Две первые главы посвящены институциональному аспекту церковной политики монархии.

Первая глава «Монархия и Галликанская церковь: законодательное оформление отношений» состоит из 4-х параграфов.

В первом параграфе «Болонский конкордат» рассматривается предыстория принятия конкордата и дается оценка этого соглашения, ставшего законодательной основой государственно-церковных отношений во Франции. Болонский конкордат 1516г. был двусторонним франко-римским соглашением, оформившим права монарха и папы в церковных делах, а также определившим правовой статус галликанской церкви. Соглашение, ставшее законом, действовавшим во Франции 273 года вплоть до Французской революции, решало главный вопрос - под чьим контролем должна находиться французская церковь – опора власти монарха. Этот главный вопрос нашел разрешение в разделении права инвеституры между монархом и папой, открыв доступ к церковному патримонию тому и другому.

Болонский конкордат 1516г. был первым из 4-х заключенных между папами и секулярной властью с XVI по XIXвв. Второй конкордат между Наполеоном I и папой Пием VII был заключен в 1800г. Оба конкордата оказались действующими в отличие от 3-его и 4-ого, оставшимися на бумаге.

С санкции папы Болонский конкордат законодательно оформил вмешательство монарха в церковные дела: глава Святого Престола санкционировал права монарха распоряжаться церковным патримонием. Согласно Болонскому конкордату государь получал право назначать кандидатов на вакантные церковные кафедры, папа вводил этих кандидатов в сан. Процедура завершалась вступлением введенного в сан епископа во владение церковным бенефицием.

⁵⁶ Boucher J. La vie et faits de Henry de Valois. S.l. S.t. 1589; De juste Henrici Tertii obdicatione e francorum Regno, libri quatur. Lugduni (Lyon). 1591; Sermons de la simulée conversion, et nullité de Béarn, à S. Denys en France, le dimanche. 21 juillet 1593, prononcez en l' église S. Merry à Paris. Paris, 1594.

⁵⁷ Bellarmino Roberto. Réponse aux principaux articles et chapitres de l' Apologia du Belloy, faulcement et a faux titre inscrite Apologie Catholique, pour la succession de Henry Roy de Navarre à la couronne de France. 1588.

Второй параграф «Формирование епископата» посвящен рекрутированию высшего клира. Согласно Болонскому конкордату иерархи, призванные короновать государя, создавать его культ, наделяя магическими свойствами, были лишены права на церковную кафедру. Государь получил право назначать на вакантную церковную кафедру своего кандидата из числа представленных духовных лиц. Конкордат не предусматривал мер по пресечению нарушений при назначении на церковные кафедры, поэтому монарх мог нарушить условия назначения. Кроме того, королевское законодательство ограждало монарха от вмешательства духовенства в дела рекрутирования высшего клира. Вводился запрет принимать в парламентах апелляции якобы на имевшие место нарушения или злоупотребления со стороны государя при назначении на церковные кафедры, что оставляло действия государя вне обсуждения.

Вместе с тем, Болонский конкордат и последующие за ним законодательные акты сохранили за некоторыми аббатствами и приорствами права на выборы прелатов. Причина этого крылась в состоянии обителей: в годы религиозных войн монастыри понесли большие потери, их земли становились объектами секуляризации.

В практике назначения прелатов монархи исходили в первую очередь из признания достоинства кандидата в прелаты по происхождению, а не по заслугам.

В первой половине XVI в. на формирование епископата оказала воздействие внешнеполитическая обстановка – Итальянские войны. Интересы французской короны на Апеннингах сыграли не последнюю роль в пополнении епископских кафедр итальянскими прелатами – креатурами папы. В 1516 г. епископские кафедры занимали 102 прелата, из них 60 представителей французской знати по происхождению, 16 иноземных иерархов; аноблированное дворянство: 1 представитель нобилей (аноблированный не в последнем поколении) и 13 – новых нобилей, 4 представителя ротюры и 8 неизвестного происхождения.

С 1516 - 1559 гг. очевиден численный рост прелатуры по всем категориям. За это время численность епископов возросла в два с лишним раза и составила 243 человека: монарх не только назначал на вакантные, но создавал новые кафедры. При этом представителей знати по происхождению стало больше, чем в два раза, иноземных прелатов больше в три раза, старых нобилей больше в 7 раз, нового дворянства больше в три раза, а ротюры меньше, чем вдвое.

⁵⁸ Mariana J. De rege et Regis institutione. Toledo, 1599.

Особое место в рекрутировании прелатов занимала кардиналатура. Кафедра кардинала была в центре внимания у принцев крови и титулованной знати. Кардиналы владели значительной частью церковного патримония.

Начиная с 1560г. по начало XVIIв. картина рекрутирования епископата изменилась в сторону сокращения представителей знати по происхождению. Религиозные войны внесли свою лепту не только в социальный состав прелатов, но усложняли выявление следов назначенных на церковные кафедры из-за отсутствия папских булл о введении в сан и королевских грамот Счетной палаты, куда должны были собираться документы о назначении и выделении бенефициев. Резкое снижение численности знати в составе прелатов, с одной стороны, вызывалось переходом части дворянства в ряды гугенотов, с другой, активным участием католического дворянства в войнах. Определенную роль могло сыграть изменение генерации знати: уходило старое поколение, а представители нового поколения избирали иной путь. Бесспорно имело значение то обстоятельство, что Болонский конкордат не упразднил полностью выборов прелатов на местах, в частности, в аббатствах. Сокращение численности представителей знати восполнялось возросшей численностью представителей новых, молодых нобилей и ротюры. Положение стало изменяться только в годы правления Людовика XIII.

Королевское рекрутирование епископата было решением одной из важных социальных проблем монархии, характеризующей ее феодальную сущность. Церковная кафедра служила средством вознаграждения за службу монарху, будучи знаком достоинства, и как источник доходов использовалась для поддержания привилегированного сословия дворянства. Монархи создавали социальную опору в церкви: королевские советники наделялись церковными кафедрами, королевские епископы при содействии монарха продвигались в кардиналы.

Третий параграф **«Оформление и реализация права монарха на церковный патримоний»** посвящен практике использования короной церковного патримония. Законодательное оформление права монарха распоряжаться церковными кафедрами означало вмешательство в патримониальные дела. На рубеже XVIв. церковный патримоний составлял 101 епископство и около 3 тыс. аббатств и приорств с годовым доходом примерно в 50 1/2 млн. экю или 50 млн. ливров. Однако этот церковный патримоний, не подлежащий отчуждению согласно праву мертвой руки, подчинялся феодальному праву, позволяя секулярной власти, а значит сеньориальной власти любого уровня, вмешиваться в церковные дела, что приводило к столкновению регального права монарха с сеньориальным правом патроната. Согласно каноническому праву право

патроната основывалось на признании прав основателя храма, а также дарителя земли и делающего другие пожертвования и являлось наследственным. Патрон совершал свое благодеяние с согласия епископа, приобретая право патроната, зафиксированное в контракте с иерархом. Деяния в пользу церкви могли совершаться двумя-тремя лицами, обретавшими равные права патроната. Эти условия допускали как монарха, так и представителей знати к обретению права патроната. Патрон нес обязанности в отношении церкви, выступая защитником и покровителем церковного патримония. Право патроната являлось одним из атрибутов сеньориальной власти. Регальное право - это право короля получать доходы с вакантных церковных бенефициев и назначать прелатов на вакантные церковные кафедры. Разница между сеньориальным правом патроната и королевским регальным правом заключалась в сроках использования части церковных доходов вакантных бенефициев: сеньориальное право патроната было ограничено четырьмя месяцами, тогда как королевское не знало временного ограничения. Начало оформления регального права относят к Xв., утверждения к XIIIв. Французские правоведы XVIIIв., в частности Герикур и Дюран де Мейян, отмечают, что из всех проблем истории Франции, имеющих отношение к церковной юрисдикции, труднее всего объяснить регальное право (его происхождение: что лежало в основе - право патроната или сеньориальное право). Признавая связь между правом патроната и регалии, всрне искать происхождение регального права в сеньориальном праве короля-сеньора, которому приносили оммаж. В таком случае король мог пользоваться регальным правом только в пределах фьефов, зависимых от него; его право не распространялось на все королевство. Справедливость признания происхождения регального права подтверждают особенности процесса объединения французских земель - присоединения к королевскому домену сеньориальных земель без нарушения части сеньориальных прав (в частности, права церковного патроната, права высшей юстиции). Сеньоры присоединенных земель отнюдь не все приписали оммаж королю, и следовательно их земли оставались вне королевского права. Таким образом, регальное право короля было ограничено, и это положение сохранялось и в раннее новое время вплоть до 80-х годов XVIIв. Первое заявление о регальном праве монарха в отношении повсеместно всех церквей Франции принадлежало Генриху IV (1608), но оно не имело реального значения до 1673г., пока не появилась Декларация Людовика XIV о регальном праве, распространяющимся на все диоцезы королевства за исключением тех, что были освобождены за плату.

В XVIв. монархия смогла сделать решительный шаг только в подготовке к присвоению регального права во всех церковных землях Франции. Путь к этому лежал через

активизацию налоговых поборов с духовенства: десятины, привлечения к выкупу права мертвой руки, к оплате поземельной тальи и, наконец, к заключению с духовенством финансового контракта.

1516г. стал рубежом в церковной политике монархии в отношении патримония. Приоритетную роль в патримониальных операциях монарха играла десятина с духовенства. Со второй половины XVв. десятина имела тенденцию превратиться из периодически взимаемого в постоянный налог. В годы Итальянских войн сбор десятины увязывался с внешнеполитическими интересами Франции и Святого Престола. В конце 20-х - в 30-е годы в результате неудачных военных операций монарх изменил тактику ведения своих действий, нарушив конфессиональное единство. Ответом Святого Престола стали санкции, запрещающие монарху сбор десятин. Сложность франко - римских отношений в годы Итальянских войн привела к поиску средства привлечь духовенство к налогу, не требующему санкции папы. Так при поддержке ассамблеи Генеральных штатов в 1561г. было заключено финансовое соглашение. В королевское законодательство оно вошло как контракт, заключенный представителями духовенства для субвенции, пожалованной монарху. Согласно договору с 1 января 1561г. по 31 декабря 1567г. духовенство должно было предоставить сумму в 1млн. 600 тыс. турских ливров, т.е. примерно по 266 тыс. лив ежегодно. С января 1568г. по декабрь 1577г. духовенство привлекалось к покупке государственных рент на сумму не менее 700 тыс. лив. ежегодно. Принятый контракт дал основание для его неоднократных пролонгаций.

Средством реализации финансового контракта стали ассамблеи духовенства, новый представительный орган, действовавший наряду с провинциальными соборами и участием духовенства в ассамблеях Генеральных штатов. В отличие от последних, ассамблеи духовенства собирались вплоть до Французской революции, сопутствуя абсолютной монархии и свидетельствуя об ее особенностях. Однако организационно оформленная реализация финансового контракта не позволила в полной мере удовлетворить казну. Самым действенным средством пополнения казны оказалась секуляризации церковных земель за недоимки. Секуляризация церковного патримония стала обычной практикой. При этом ее масштабы росли еще за счет не санкционированных операций. Узурпаторами церковного патримония выступали дворянство и чиновничество.

Таким образом, духовенство интегрировало в государственную налоговую систему. Монархия расширяла социальный состав подчиненных налоговому обложению, рассматривая представителей церковной корпорации, связанной с Римом, прежде всего подданными монарха.

Четвертый параграф посвящен «Разделению сфер юрисдикции между монархией и церковью». С оформлением права монарха на вмешательство в церковные дела непосредственно связано решение вопроса о разделении сфер компетенции между королевским и церковным судами. На протяжении XVIв. монархия делала плодотворные попытки расширить свою компетенцию за счет изъятия дел из судебной практики церкви. Первым шагом монархии в наступлении на церковную юрисдикцию в XVIв. стал Болонский конкордат, лишивший духовенство права на выборы прелатов. Следующей вехой стала судебная реформа 1539г. Ее значение в определении границ секулярной и церковной юрисдикции, в определении правового статуса судебных прав королевского подданного мирянина и клирика, в утверждении монаршего права на рассмотрение бенефициальных дел и в правовой защите церковного патримония.

Судебная реформа 1539г. уравнивала клир и мир в статусе подданства короне, утверждая одно из гражданских прав - судебное право. Реализовать свое судебное право мирянин и клирик могли в одном суде. Личные дела, прежде всего касающиеся имущества мирянина и клирика рассматривал секулярный суд, церковные (дисциплинарные) относились к клирикам. Представление о статусе подданного нашло отражение во вмешательстве монарха в исконно церковную сферу юрисдикции брак и семейные отношения, включая крещение, завещание и погребение. Главным мотивом вмешательства были налоговые интересы и бенефициальные дела. Законодательное оформление права монарха в этих гражданских делах сыграло не последнюю роль в толковании брака как гражданского акта с обязанностями подданных подчиняться государственному заводу при вступлении в брак.

Судебная реформа посягнула еще на одно право церкви - "asil" -право служить убежищем для всех в нем нуждающихся. Монарх объявил о праве королевских судебных органов преследовать и арестовывать уголовных преступников везде, даже в храмах, таким образом, лишая церковь иммунитетного права. В итоге политика короны была направлена на разделение сфер юрисдикции между королевским и церковным судами в целях укрепления государственной власти в делах, имеющих первостепенное значение и касающихся прежде всего имущественных прав и гражданского состояния.

Вторая глава «Монархия и Святой Престол» состоит из двух параграфов. **Первый параграф** посвящен патримониальным отношениям.

Патримониальные отношения между монархией и Святым Престолом имели основание - наличие консисторианских земель во Франции. Болонский конкордат наделил папу правом выдачи апостолических мандатов в консисторианских землях. Во время своего

понтификата каждый папа получал право один раз выдать поручительные грамоты, по которым поверенные папы в консисторианских землях наделялись полномочиями жаловать бенефиции прелатам. Финансовые интересы Святого Престола нашли отражение в договоренности монарха и папы о восстановлении права папы на сбор аннат без согласования с французским духовенством. Болонский конкордат не касался прав папы - санкций на права монарха взимать десятину с духовенства и на операции по продаже церковного патримония. Это каноническое право не подвергалось пересмотру. Таким образом, в сферу патримониальных отношений монархии и Святого Престола входили консисторианские земли, сбор десятины с духовенства и операции по продаже церковного патримония, а также аннаты.

Наступление монарха на права папы в консисторианоких землях началось в конце 40-х - начале 50-х годов. Первый из королевских эдиктов относился к 1547г. Генрих II вверял бальи, сенешалям и президиальным судьям право ограничивать до одной численность апостольских нотариусов в пределах каждого ведомства. Предыдущая декларация о сокращении численности апостольских нотариусов дополняется введением строгой регламентации всех бенефициальных операций. Ужесточение порядка раздачи и оформления бенефициев достигло апогея в 1551г. К контролю за оформлением бенефициев добавился запрет всем лицам отправлять деньги в Рим с тем, чтобы добиться бенефициев. Франко-римские отношения в эти годы переросли в конфликт и в разрыв отношений между монархом и папой. К патримониальным отношениям добавились внешнеполитические интересы. Разрыв отношений в 1547-1551гг. привел французскую сторону даже к обсуждению вопроса о патриаршестве во Франции. Однако франко-римское отчуждение оказалось временным: взаимная заинтересованность взяла верх над ссорой и отношения возобновились, хотя восстановление отношений не лишало франко-римские связи временных раздоров.

Второй параграф посвящен столкновениям монархии и Святого Престола на Латеранском и Тридентском Вселенских соборах.

Отношения монархии со Святым Престолом в контексте деятельности Вселенских соборов раскрывают иную сторону политики короны, не связанную с церковным патримонием. В этой сфере монархи проявляли большую самостоятельность. В начале XVIв. Карл VIII выступил инициатором созыва Лютеранского собора, на котором собирались поставить вопрос о смещении действовавшего папы и замене его французским кардиналом. Эта затея не была поддержана конклавом. В 1511г. Людовиком XI была предпринята попытка созвать антипапский собор в Пизе под лозунгом возрождения

соборного движения. В итоге Латеранский собор 1512г., созванный папой Юлием II, осудил действия французской короны. Столкновения между монархией и Святым Престолом вызвали подготовка и проведение Тридентского собора (1545-1563).

Французская сторона стремилась оттянуть созыв собора, навязать свою повестку дня приглашением на собор немецких протестантов. Ситуацию изменили начавшиеся во Франции религиозные войны. Они заставили французских монархов не только согласиться с созывом собора, но ускорить его проведение. Однако Тридентский собор не привел к согласию французских монархов с папой. Идее укрепления власти понтифика французская делегация противопоставила соборную идею - примата собора над папой. Она настаивала на реформе галликанской церкви: на изменении порядка причащения, на использовании французского языка во время церковной службы и на отмене celibата. Наконец, начавшиеся военные действия во Франции побудили монарха просить о помощи в борьбе с протестантами. Папа принципиально отклонял предложения монарха, либо настаивал на возмещении, по его мнению, нанесенного таким образом ущерба. Исконным решением патримониальных вопросов - расширения прав Святого Престола в консисторианских землях. На борьбу с протестантами папа поспешил выделить больше 100 тыс. экю, заставив французского монарха искать выход из сложившегося положения. Ответом французской короны на позицию понтифика стал отказ от принятия решений Тридентского собора. Одновременно с отказом от обнародования соборных решений корона запретила обнародование буллы *Un Coena Domini*: каноническое право вступало в противоречие с правом монарха. В известной мере булла повторяла решение Тридентского собора о праве папы карать и миловать.

Глава 3. «Укрепление идейных позиций монархии: защита национальных государственных интересов и католицизма»

Идеологические функции, которые церковь выполняла в государстве, давая обоснование светской власти признанием ее Божественной природы, сакрализацией личности монарха и созданием его культа, в XVIIв. были частично поколеблены. Встал вопрос о совмещении национальных государственных с конфессиональными интересами. Монарх стремился к защите национальных государственных интересов, не только притязая на суверенитет в политике и праве, но уже используя свое суверенное право прежде всего во внешней политике.

Первый параграф «Религиозная нетерпимость и гражданская толерантность: протестанты в политике монархии»

Изменение внутривластной обстановки на протяжении XVIIв. побуждало монархию к

действиям, адекватным событиям в 1515-1534, 1534-1559 гг. и в годы религиозных войн. Политика короны в отношении протестантов подвергалась изменениям соответственно степени активности протестантов во Франции. В начале века положение внутри страны не вызывало тревогу. Перелом наступил в 30-е годы XVI в. Протестантизм стал квалифицироваться в королевских указах как заблуждение, как фальшивое вероучение, содержащее в себе оскорбление Его Величества, Его Божественной и человеческой сущности, провоцирующее смуты, мятеж и нарушение общественного спокойствия. Квалификация протестантизма как оскорбления Его Величества определила позицию нетерпимости монарха в отношении всех отступников, независимо от сословной принадлежности. Борясь с ересью, монарх присваивал одно из прав сеньоров высшей юстиции - расследовать дела протестантов в подвластных им землях, таким образом ограничивая их компетенцию и расширяя правовую компетенцию власти государя. Начатая борьба с протестантизмом сопровождалась апологией католицизма. В своем обращении монарх выразил свое кредо: "Мы желаем, чтобы в нашем королевстве всегда сохранялась и поддерживалась одна католическая вера как главный фундамент нашего королевства, от которого зависит наше процветание и благополучие".

В конце 40-х и в 50-е годы нетерпимость в конфессиональной политике монархии достигла апогея: власть перешла к введению смертной казни.

Принципиально новый подход к решению проблемы протестантов был найден в конце 50-х годов при Франциске II. Смешение конфессиональных с политическими интересами угрожало власти и национальному единству. В королевских указах протестантов объявляли не еретиками, а заблуждающимися, страдающими недугом, и потому имеющими привилегию на снисхождение. Принципиально иным было отношение к политической оппозиции. Королевский указ 1560 г. был первым, объявившим нетождественность собственно религиозных политическим собраниям. Еретики, рассматриваемые как заблудшие, брались под защиту, они не считались потерянными как подданные короны, им дозволялось отправление культа. В то же время политические собрания под знаком религии строжайше запрещались.

Религиозные войны (1562-1598) убедили французских монархов в необходимости искать путь к миру в компромиссе не только с заблуждающимися, но и с политическими противниками. Сохранение национального государственного единства и суверенитета требовало в нарушение коронационной присяги компромисса в отношении протестантов и внедрения идеи гражданской толерантности в сознание подданных, сохранявших религиозную нетерпимость. Так появились мирные религиозные соглашения. В 60-80-е

годы произошло окончательное размежевание между монархией и римско-католической церковью в решении проблемы войны и мира. Формирование национальных государств и оформление национальных государственных церквей в условиях церковного раскола предопределили конец моральной теологии - наследия Аквината.

Учение Фомы Аквинского оказалось недостаточным для объяснения пропаганды войны против еретиков. Выдвинутые теологом критерии справедливого и разумного не могли быть приложены к политике монархов, ибо оставляли без ответов проблемы XVIв. Средневековый мир, основанный на общности права и веры членов христианского общества, не соответствовал реалиям XVIв. Выход был в гражданском мире, гарантированном государством. Мирные религиозные соглашения, санкционированные короной, являлись своего рода аргументированной пропагандой политики монархии. Последним мирным религиозным соглашением был Нантский эдикт 1598г. Мотивацию его принятия Генрих IV видел в необходимости всем подданным дать один четкий и ясный закон, которым бы улаживались возможные разногласия и который бы установил добрый и крепкий мир. Королевское подданство объявлялось приоритетным перед конфессиональной принадлежностью. Нантский эдикт явился попыткой совместить гражданскую толерантность с религиозной нетерпимостью посредством четкого определения характера и границ уступок протестантам. Французские монархи законодательно оформили свои права на вмешательство в решение конфессионального вопроса, подчинив всех подданных, независимо от сословной принадлежности, единому королевскому закону. В этом был смысл мирных религиозных соглашений. Однако все это не упраздняло действие эдикта о католическом единстве, принятом в 1588г. Ассамблея Генеральных штатов единодушно приняла решение считать эдикт о католическом единстве фундаментальным и нерушимым государственным законом. Этот эдикт не был отозван до Французской революции.

Второй параграф посвящен «Оценке протестантами действий короны». Протестанты желали видеть в мирных религиозных соглашениях равные с католиками права. На синодах и ассамблеях они настаивали на удовлетворении равных с католиками прав, отвергая таким образом временность уступок.

Третий параграф «Введение ордена иезуитов».

Признание католицизма идеологическим фундаментом монархии заставило корону определить свою позицию в отношении действующих орденов прежде всего ордена иезуитов. Действия монархии преследовали не только конфессиональные, но и политические интересы. Санкция монархов на натурализацию и деятельность иезуитов во

Франции один из искусных политических шагов короны. Верные Святому Престолу воины, известные своей пропагандой идей Католической реформы и абсолютной власти папы, были допущены в страну, не знавшую института инквизиции и отказавшуюся от обнародования решений Тридентского собора. XVI - первое десятилетие XVIIв. в истории ордена во Франции знаменательны началом деятельности (1551-1595), изгнанием(1595), возвращением и восстановлением в правах (1603).

Основная тенденция в политике монархии сводилась к стремлению подчинить орден короне. Известного успеха в этой политике добился Генрих IV. В 1604г. парламент зарегистрировал королевский эдикт о восстановлении деятельности ордена иезуитов при условии принятия иезуитами присяги монарху и других обязательств. Монарх требовал не открывать новые коллегии без разрешения государя, ежегодно приносить присягу верности монарху, не притязать на приобретение движимого и недвижимого имущества и на наследование этого имущества без разрешения монарха, почитать юрисдикцию епископов. Генрих IV понимал, что для стабилизации внутривластной обстановки во Франции действия последних Валуа, оформленные в мирные религиозные соглашения, итогом которых стал Нантский эдикт, нуждаются в некоторой сбалансированности и этому равновесию будет соответствовать признание ордена и разрешение иезуитам продолжить начатую деятельность. Но искусство политики монарха состояло в попытке на этот раз строго ограничить деятельность ордена, создав его национальную французскую ветвь. Члены общества Иисуса французской провинции должны были быть французами. Это требование находило объяснение в двух следующих статьях о подданстве: об обязательной присяге королевскому офицеру и о подчинении членов общества Иисуса во всем и везде законам королевства и правосудию офицера. Указ Генриха IV предусматривал обращение иезуитов в королевских подданных и был направлен на формирование в пределах территориальных границ страны французской корпорации иезуитов и на ее интеграцию в религиозную жизнь Франции.

Четвертый параграф «Создание ордена Святого духа и санкции на деятельность капуцинов и фельянов»

Детище Генриха III орден Святого Духа должен был служить интересам защиты католицизма и короны. В сознание подданных впускались верность католицизму одновременно с подчинением монарху. Статус ордена предполагал, что его сувереном является сам монарх. В деятельности ордена большее внимание уделялось решению политических, чем конфессиональных задач. В духе времени орден провозглашал лишь некоторые требования Католической реформы как-то: повышение религиозной

дисциплины. Королевский орден служил пропаганде идеи борьбы и самой борьбе с оппозицией власти в любой ее форме. В сознание подданных вносилась идея единения подданных с монархом. Орден объединял до 100 членов преимущественно дворянского происхождения. Представители духовенства и чиновничества составляли в нем меньшинство. Член ордена брал на себя обязательство никогда не покидать королевство с тем, чтобы поступать на службу к другому иноземному сеньору и никогда не принимать без согласия монарха пенсий, либо другие вознаграждения как от королей, так и от других сеньоров. Политика монархии в отношении ордена Святого Духа была попыткой не только укрепления авторитета государя, но стремлением прикрепить знать и прелатов к короне в экстремальных условиях религиозных войн. Эти действия монарха привели к столкновению со Святым Престолом, свидетельствуя о зависимости монархии от Рима в решении вопроса, касающегося финансирования ордена: государь просил на содержание ордена большую часть бенефициальных доходов, не получив на это согласие папы. Почти одновременно с орденом Святого Духа получил официальную санкцию на деятельность орден капуцинов. Своим примером и христианской верностью капуцины дают надежду на возрождение католицизма и укрепление веры, заверял монарх. Детисцем французского государя был новый орден фельянов, выделившийся из ордена цистерцианцев. Фельяны оказались в числе других орденов, созданных монархом и папой на территории Франции, которых государь желал взять под свой контроль, отобрав их у Святого Престола,

Пятый параграф «Новообращение протестанта и коронование монарха».

В русле укрепления идеологического фундамента монархии и в то же время выражения национальных государственных интересов представляется еще одно важное событие в политической и религиозной жизни Франции - коронование единственного законного наследника престола Генриха Наваррского. Знаменательным это событие сделала принадлежность Бурбона к протестантской церкви. Коронование Генриха Наваррского, отлученного от церкви, выдвинуло на первый план вопрос о соотношении государственного и конфессионального подходов к решению проблемы престолонаследия. Генрих Наваррский проявил государственный подход к решению проблемы коронования, считая рекактолизацию необходимой, он тем не менее считал возможным оказаться от личного присутствия в Риме для снятия отлучения и принятия католической веры, рассматривая это формальностью. Он доверился прелатам галликанской церкви, которые взяли на себя миссию совершить то, что должен был сделать папа. При этом французские иерархи объявили свое решение как вердикт национального собора, тем возвысив с

помощью коронованного авторитет галликанской церкви.

Восстановление добрых отношений с папой состоялось после коронования. Необходимость сохранения связей с Римом заставила монарха получить отпущение грехов и благословление папы, но уже *post factum*.

Глава 4. «Апология власти монарха и оценка государственно-церковных отношений в роялистской политико-правовой мысли».

Важной стороной укрепления идейных позиций монархии было санкционированное властью распространение идей защиты и возвеличения монарха и его власти - одно из слагаемых формирования официальной идеологии. Монарх нуждался в своего рода пропаганде законности своих прав на всевластие, ибо его притязания не совпадали с законодательно оформленными правами. Об этом свидетельствуют исполнота регального права в церковных землях Франции, сохранение самоуправления в ряде аббатств, не говоря о зависимости от церковной метрополии в патримониальных делах.

В арсенале апологетов верховной власти монарха в XVIв. имелся богатый опыт легистов Филиппа IV. Используя опыт своих предшественников правоведы и историки XVIв. коррелировали доктрину суверенитета власти монарха с реалиями своей эпохи. Идея супрематии монарха по-прежнему осмысливалась в контексте государственно-церковных отношений и прежде всего связей со Святым Престолом. Объяснение этому следует искать в сложной внутривполитической обстановке и на этот раз не в слабости идей сословного представительства, как в XIVв., а напротив в оформлении доктрины ограниченной монархии, выдвинутой протестантами и используемой Католической лигой и проримской оппозицией. Монарх по-прежнему выступал носителем общего блага. Переосмыслению подлежало соотношение сакрального и национального государственного в суверенной власти монарха. При сохранении неизменным признания Божественной природы власти монарха пересмотру подвергались роль миропомазания при коронации и в целом церемония коронации в наделении монарха правом на правление. Национальный Салический закон о престолонаследии противопоставлялся роли миропомазания: в представлении правоведов наследник престола становился монархом до миропомазания, ибо «король во Франции никогда не умирает».

Первый параграф «Монархия и церковь в представлении К. де Сейселя».

К.де Сейсель признавал, что у Франции имеются все возможности, позволяющие ей претендовать на роль великой: «традиции приверженности монархической форме правления и принципу наследственности престола». Однако он подчеркивал, что Франция далека от идеала, ибо потенции сами по себе еще не могут привести к желаемому

состоянию доброго порядка при отсутствии трех главных регуляторов власти: религии, правосудия и управления. Эти три узды, по определению правоведа, способны обеспечить добрый порядок и уберечь государство от самоволия монарха. В иерархии этих регуляторов власти он отводил первое место религии, рассматривая церковь частью государственного механизма и в то же время как самостоятельную организацию. Он выделял духовенство в особое сословие по роду деятельности и положению, не связанное со всей социальной структурой. К де Сейсель считал долгом короля возвеличить религию своей властью.

Второй параграф «Королевский миф в историописании 60-х годов: Г.Постель, Ф.Бельфоре и Дю Гайян».

В эпоху религиозных войн апология суверенной власти монарха побудила обратиться к королевскому мифу о происхождении галлов и галльских королей для обоснования идеи якобы законного права государя на всевластие в Старом и Новом Свете и решения вопроса об особом положении французской короны в лоне католицизма. Одной из ранних работ в этом направлении был трактат Г.Постеля "О том, что является первостепенным для преобразования мира"(1560). Автор трактата выступал последовательным галлофилом. Миф о происхождении галлов в интерпретации Г.Постеля был тесно связан с религиозно-политической концепцией автора. Идеей избранности галлов он обосновывал закономерность монархического строя. Центральное место в его концепции занимал вопрос о соотношении светской и духовной властей. Он отдавал должное первостепенной роли светской власти перед духовной, обуславливая примат монархии в преобразовании мира. Возвышая авторитет короны, Г.Постель мыслил о создании мировой империи под эгидой французского государя. В церковных делах он выступал за автономию галликанской церкви под патронатом монарха.

Концепция власти Бельфоре строится на признании прежде всего Божественной природы власти и сакральности монарха. При этом он не отделяет сакральную природу власти от монарха, помазанника Божьего, наделенного магическими свойствами. Что касается суверенитета власти монарха, то Бельфоре не пытается осмыслить это верховенство через призму отношений короны со Святым Престолом. Для него суверенитет власти монарха это аксиома. Видное место в концепции власти Бельфоре занимают суждения об автономии галликанской церкви под покровительством монарха. Он считает, что галликанская церковь должна подчиняться государству, политическому закону, ибо церковь – один из членов общественного тела и как член этого тела должна подчиняться его главе - монарху.

Дю Гайян заявляет о себе как о первом французе, который написал историю Франции, изобразив величие и достоинство французских королей в почтительных выражениях. В концепции власти Дю Гайяна видное место занимает вопрос о происхождении королей.

Дю Гайян стремится подчеркнуть древность и достоинство происхождения монархов, связывая то и другое с историей сопротивления галлов римскому завоеванию. Древность происхождения и воинская доблесть обеспечили суверенитет власти монарха, считает он, подчеркивая, что суверенитет власти присущ монархическому абсолютистскому правлению. Суверенитет власти Дю Гайян усматривает в независимости, в неподчинении монарха законам - плодам деятельности легистов. В церковных делах он выступает защитником автономии галликанской церкви при подчинении последней монархии.

Третий параграф «Сакральное и национальное государственное в полемике П. де Белуа с кардиналом Беллармином».

П. де Белуа выступал как апологет власти монарха, Божественной по своему происхождению и в то же время наследственной по Салическому закону, не поддающейся никакому смещению, и поддерживаемой подданными, как власть, защищающая общее благо и национальные интересы.

Признание Божественной природы власти дает основание П. де Белуа для декларации, что Его Величество не признает никого другого в своем королевстве, кроме Бога. Что касается коронации, то, считает П. де Белуа, она сама по себе второстепенна и служит только декларацией чести, знаком достоинства, которыми от природы наделены наследники престола (коронация - только знак, одежда королевской власти).

Кардинал Беллармин в своей отповеди П. де Белуа выступает глашатаем чистоты католической религии и римско-католической церкви. Идентифицируя подданного французской короны прежде всего как католика, принадлежащего Римско-Католической Апостольской церкви, он отвергает саму возможность притязаний на привилегии со стороны французского монарха и галликанской церкви. Беллармин обосновывает приоритет церковной власти перед светской, отрицая Божественное происхождение последней. Он считает, что Божественным является не происхождение власти, а характер правления монархов. При этом Беллармин выступает апологетом абсолютной власти папы.

Четвертый параграф «Парламентский галликанизм».

Апологетами суверенной власти монарха выступали магистраты Парижского парламента. Знаменем их выступлений стала защита свобод галликанской церкви, т.е. восстановление церковной автономии под патронатом монарха. Декларации парижских правоведов были весьма специфическим проявлением национального самосознания, перенесенного в

церковно-политическую сферу. Таким образом, ими решалась проблема католической национальной церковности: праведы пытались свести церковно-политические притязания в некую теоретическую систему и дать ей надлежащее церковно – правовое обоснование. Они считали, что монарх и папа должны признать две максимы: монарх-обладатель абсолютной власти в мирских делах, даже в отношении клира, если это касается имущества; папа - суверен только в духовной сфере, при этом его власть должна быть ограничена церковными соборами. Обоснованием надления монарха абсолютной властью, согласно правоведам, служило признание Божественной природы власти. Парижские праведы объявили монарха императором (*rex in regno suo est imperator*), т.е. обладателем абсолютной власти. В отношении галликанской церкви праведы выступали сторонниками подчинения последней монархии, обосновывая это правами государя назначать на церковные кафедры и раздавать бенефиции.

Пятый параграф «Признание Божественной природы власти и обожествление монарха».

Вершиной политико-правовой мысли стало обожествление монарха. Ж. Биньон в своем трактате "Величие наших королей и их суверенной власти" обращаясь к монарху и называя его Августейшим Величеством обладателем могущественного скипетра и блестящей короны, признает монарха земным Богом («Вы есть Бог на земле, признающий только Бога на небе»).

Глава 5. «Церковная политика монархии в оценке духовенства».

Первый параграф. "Выступления прелатов".

Объект политики монархии и политических спекуляций - галликанская церковь оказалась в центре идейно - политической борьбы. Остроту моменту в XVIв. придавали с одной стороны Реформация и религиозные войны, с другой, активность Святого Престола. Духовенство вынуждено было защищать интересы церкви, демонстрируя гибкость своей позиции в адекватных ситуации ответах на брошенный вызов. Трибунами для выступлений прелатов служили национальные и провинциальные соборы, ассамблеи духовенства и Генеральных штатов. В первой половине XVIв. до французской реформации позицию духовенства характеризовала поддержка автономии галликанской церкви от Рима и признание приоритета соборов над папой. В годы религиозных войн вопрос об автономии галликанской церкви отступает на второй план. Политика короны в это время заставляет духовенство видеть в папе не столько сборщика аннат, сколько гаранта стабильного положения, проводника Католической реформы, которую поддерживала галликанская церковь, настаивая на обнаружении и реализации решений

Триденгского собора.

Однако позиция клира, высказанная на ассамблеях, не исключала обсуждения вопросов о границах власти монарха и папы. Идеи полновластия главы Святого Престола, как и автономии французской церкви находили своих приверженцев.

Второй параграф «Ультрамонтанизм и церковный галликанизм»

Позицию ультрамонтан - защитников идеи полновластия папы поддерживал теолог Парижского университета Ж.Буше. Теолог наделял папу исключительным правом в решении главного вопроса о достоинстве монарха. Он ставил духовную власть над светской властью, обосновывая это признанием, что главное право монарху дает миропомазание при коронации. Подчеркивая, что государя делает монархом посвящение в сан, а не Салический закон, Ж. Буше отрицал Божественное происхождение власти монарха. Монархи должны следовать порядку, установленному на земле: не нарушать дисциплину - вести себя как сыновья, приносить оммаж и признавать себя вассалами, находящимися в ленной зависимости, и подданными, обязанными повиноваться своему викарию, едиственному обладателю и исполнителю воли Господа на земле, считал теолог.

Противником Ж.Буше выступал теолог Сорбонны Эд. Ришер. Построение Ришера основывалось на признании истинного права Иисуса Христа как основателя церкви и опосредованной роли

главы церкви - Римского понтифика, преемника викария Иисуса Христа. Он пытался восстановить непосредственную связь церкви с Иисусом и развенчать притязания понтифика. Стремясь восстановить порядок, господствовавший, по его мнению 800 лет назад, Ришер обращался к силе, способной это сделать. Это церковь, утверждал он. У церкви есть все основания для восстановления своего авторитета перед лицом римского понтифика. В противоположность монархическому полису, возглавляемому папой, церковь по своему характеру правления - аристократическая. Аристократическое правление, согласно Ришеру, означает соборное правление. Обосновывая права церкви, полученные ею от Иисуса Христа, Ришер подводит читателя к вопросу о галликанских свободах, убеждая не в исключительности этих свобод, а в их правомерности, ибо галликанская церковь - часть римско-католической церкви, которую Иисус Христос наделил правами. Французы, считал теолог, имеют право на свободы галликанской церкви, как и другие, но эти другие, как например, испанцы, в случае нарушений со стороны Рима принимают свои меры, поэтому разница только в форме действий. В отличие от своих современников - правоведов, пытающихся доказать привилегии

галликанской церкви в сравнении с другими национальными церквями католической ориентации особыми заслугами французских монархов перед Святым Престолом, Ришер нашел истоки сложившегося в XVIв. положения в нарушении папой Божественных законов и в формировании национальных церквей. Он демонстрировал национально - утилитарный подход к церкви.

Заключение.

Решение церковного вопроса во Франции XVIв. было подчинено главной социально - политической задаче - внутренней консолидации государства, стоявшей перед короной после завершения территориального объединения. В осуществлении этой задачи важное место отводилось католицизму - идеологическому фундаменту монархии. Католическая монархия небезуспешно проводила политику государственного интереса, сумев подчинить себе галликанскую церковь и с максимальной выгодой использовать отношения с церковной метрополией.

В начале XVIв. было законодательно оформлено право монарха пополнять церковные кафедры. В 1561г. были оформлены патримониальные отношения. Финансовый контракт между монархом и духовенством позволил привлечь духовенство к налоговой системе и даже провести частичную секуляризацию церковных земель. Политика короны в отношении галликанской церкви способствовала решению социальной проблемы - материальному обеспечению дворянства и в то же время создавала опору в церкви в лице назначенных иерархов.

Для галликанской церкви действия монархии имели негативные последствия, ибо у нее отобрали права на выборы иерархов и на согласование аннат, сократили сферу юрисдикции и навязали финансовое обязательство. Фактически галликанская церковь оказалась в подчинении у короны. Церковная политика монархии побудила галликанскую церковь к маневрированию между короной и Римом.

Манера поведения французских монархов в значительной степени была проявлением притязаний, бездоказательно оформленных прав, на основании по-французски истолкованных исторических фактов в пользу якобы особого положения короны в лоне католицизма. Привязанность монархии к Риму проявлялась прежде всего в патримониальных отношениях.

Вместе с тем, политика монархии ущемляла интересы Святого Престола. Болонский конкордат лишил папу бенефициального резерва во Франции, правда, ценой восстановления права на сбор аннат. Большую самостоятельность монархи проявляли в отношении соборной деятельности. Они инициировали созыв, не нашедшего поддержку,

антипапского собора в Пизе и препятствовали созыву Тридентского собора, а приняв в нем участие, отказались от обнародования соборных решений. Дерзостью со стороны монарха был временный разрыв с папой в 1551г., в который вылились межгосударственные отношения Франции и Рима. В ходе разрыва впервые при дворе даже обсуждался вопрос о патриархе галликанской церкви. Тем не менее, именно в периоды кризиса в отношениях монархия и Святой Престол ощущали взаимную необходимость и неразрывность связей и спешили к восстановлению отношений.

Церковная политика монархии была важным фактором в укреплении идейных позиций короны - в формировании официальной идеологии. В интересах укрепления католической традиции и воспитания верного монархия католика корона расширяет сеть католических учебных заведений, разрешает натурализацию ордена иезуитов и санкционирует деятельность новых орденов, при этом не выпуская их из-под своего контроля и заставляя служить монархии.

С санкции короны в официальной идеологии, носителями которой выступали правоведы, видное место заняла идея абсолютной власти государя. Распространение этой идеи было признано восполнить, имевший место в XVIв., дефицит всевластия монарха: несоответствие притязаний законодательно оформленным правам. Монарх объявлялся императором в своем королевстве. Его власть признавалась Божественной по природе и, кроме того несущей национальное начало. Апологеты власти создавали культ национального государства и монарха, выразителя национальных государственных интересов. Важным элементом этого культа было возвышение Салического закона о престолонаследии, которому придавалось большее значение, чем сакрализации личности монарха при короновании. Вершиной роялистской мысли стало обожествление государя, признание монарха земным Богом, равным Богу небесному. В концепции абсолютной власти монарха главе Святого Престола полагалась сыновняя привязанность государя, а галликанской церкви - подчиненное положение под патронатом монарха. Королевский галликанизм стал французским решением проблемы дуализма власти Государства и Церкви в эпоху Реформации.

Основные положения диссертации отражены в публикациях автора:
 монографии: «Французская монархия и церковь в XV- середине XVIв.»

М.,1992. 11 пл. Изд-во МГУ.

«Екатерина Медичи, черная королева». М.,1994. 11,7 пл. Изд-во МГУ

«Франция XVI - начало XVIIвв.: королевский галликанизм (церковная политика монархии и формирование официальной идеологии)». М.,2005.

29пл. Изд-во МГУ

Учебное пособие. «Французская реформация» М.,1993. 7,75 пл. Изд-во МГУ

Статьи: «Проблема происхождения галлов во Французской публицистике XVI в.»

//Вестник Моск. ун-та. Серия 8. История № 4, М.,1985. 1/2 пл.

«Реальности и мифы Варфоломеевской ночи». // Вопросы истории № 8, 1998.

1пл.

«Генрих IV Французский». // Вопросы истории №10, 1999.1пл

Напечатано с готового оригинал-макета

Издательство ООО "МАКС Пресс"

Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

Подписано к печати 02.03.2006 г.

Формат 60x90 1/16. Усл.печ.л. 2,0. Тираж 100 экз. Заказ 126.

Тел. 939-3890. Тел./Факс 939-3891.

**119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 627 к.**